

Казино клеопатра долгий вывод средств

Долгий средств вывод казино клеопатра

Николай Александрович отпил немного кофе из миниатюрной, поистине «жлобской» чашечки и уставился ничего не видящим взглядом за окно. Высокоскоростной поезд мчал его вдаль от Парижа. Несмотря на кризис и всеобщую политическую истерию, он все еще держался... а вместе с ним и его бизнес. Но легче не становилось. Вот и сейчас он пытался найти способ обойти совершенно дурацкие запреты и обеспечить взятые на себя обязательства по поставке промышленного оборудования.

В вагон-ресторан он не пошел. Шумно. А здесь было можно подумать и попытаться просчитать предстоящие переговоры. Надежды немного, но он все равно хотел попробовать. Вдруг удастся найти подход? Хотя кого он обманывал?

Тяжело вздохнув, он еще раз глотнул кофе. С разочарованием посмотрел на керамическое донце пустой чашки и с сожалением поставил ее на блюдце. И тут его взгляд зацепился за странного сотрудника железной дороги. Тот был одет в широкую накидку, явно предназначенную для другой погоды, и глаза имел натурально безумные.

– Аллах-бабах! – вдруг выкрикнул этот странный индивид. Дернул что-то. И в Николая Александровича ударил яркий свет. А потом, следом, что-то упругое... бесформенное... и очень сильное, то, что играючи вжало его в кресло до такой крайности, что, казалось, перехватило дыхание и затрепали кости...

Но ненадолго. Казалось, он пару мгновений пробыл в таком зажатом состоянии. Потом моргнул, тряхнул головой, пытаясь избавиться от этого наваждения, и оказался на неудобном деревянном сиденье в каком-то антикварном вагоне-ресторане. А перед ним – незнакомые люди в старомодной одежде, напряженно смотрящие на него с беспокойством в глазах. За окном же медленно ползли пейзажи. После порядка трехсот километров в час, с которыми летел поезд Париж – Лион, теперь казалось, что состав едва движется, подозрительно покачиваясь и опасно поскрипывая. Общую идиллию портил только лишь каменноугольный дым, «аромат» которого угадывался в воздухе...

– Avec toi tout est bien? – поинтересовалась юная особа с неподдельным участием в голосе.

Но ответить Николай Александрович не успел. Раздался очень неприятный и громкий звук, как если бы лопнула крупная металлическая деталь, и вагон стал заваливаться, падая под высокую насыпь... Все замелькало перед глазами. Перекошенные ужасом лица. Стены. Потолок. Фрагменты еды... или это была не еда? Ну вот наконец все утихло. Вокруг была темнота и какая-то гудящая, прямо-таки звенящая тишина в ушах.

«Какой у меня странный финал...» – пронеслось в голове Николая. Он только сейчас успел осознать, что там, в поезде Париж – Лион, его жизнь оборвал религиозный фанатик и убийца-психопат, хотя, вероятно, отличий в этих эпитетах, по существу, и не было. Это было так странно – лежать и думать о том, как умер. И куда он «загребел»? Это что, такой ад? Скучный. У того, кто его придумал, не было ровным счетом никакой фантазии. А если не ад, то что? И главное – почему все так по-дурацки?

Потихоньку слух восстановился, и Николай Александрович отчетливо стал слышать дыхание людей где-то рядом. Разное. Где-то неустойчивое и рваное, где-то мерное, где-то вообще сдавленные хрипы... а где-то там, за непонятным барьером, роль которого выполняли, вероятно, обломки вагона, раздавались даже крики...

А потом на него нахлынули, словно волна, словно ураган, какие-то слова, мысли и чувства, закружившие Николая в круговороте воспоминаний. Такие чужие и далекие, и такие близкие, яркие, сочные, объемные и фактурные. Они оказались настолько увлекательными и сильными, что он перестал слышать и видеть все вокруг...

Сколько это продолжалось? Он не знал. Но первое, что он увидел после возвращения в этот сон, оказался лейб-медик. Тот нагло совал ему под нос какую-то склянку с чем-то вонючим. Почему он решил, что перед ним лейб-медик? Ну так форма была характерная, да и знал он его... почему-то... Наконец, поморщившись, Николай Александрович выдавил из себя:

Почему по-французски? А как ему разговаривать во Франции? Ведь где произошло крушение? Да, одежда странная. И вообще непонятно, откуда все эти люди взялись. Но мало ли у него какие сбои в работе сознания из-за контузии или какой еще травмы мозга?

Кто-то что-то буркнул в сторону, и его начали куда-то укладывать. Вроде как даже на импровизированные носилки. «Этого еще не хватало!» – пронеслась в голове шальная мысль. Чувствовал он себя погано, но все тело прекрасно ощущал. А недомогание сводилось к отвратительному настроению и легкой тошноте. «Видно, сотрясение все же заработал. Не самый плохой исход. Такой близкий взрыв мог и убить. Хотя галлюцинации интересные. Когда еще такие посмотришь?» С этими мыслями Николай Александрович оттолкнул назойливые руки и попытался встать. На удивление, это получилось вполне успешно. Тем более что те самые «фуки», что пытались уложить его на носилки, стали всемерно помогать подняться.

Он встал. Встряхнул головой и устоял на свежий труп человека в пяти шагах от себя. Это была женщина в годах. Доской обшивки ей разбило грудную клетку. И он ее знал... откуда-то знал... Помнил.

В нос ударил запас парного мяса, крови и нечистот, что непременно сопровождают смерть. У смерти характерный запах, и это отнюдь не цветочный букет. Стало страшно. Очень. Слишком уж странные это галлюцинации. Такие натуральные. И удивительно реалистичная картинка и запах. Он протянул руку и провел пальцами по обломку доски, подспудно отмечая, что тактильные ощущения также на очень высоком уровне.

«Так это что получается? Неужели это не сон? Неужели это реальность?» – остро прозвучала в его голове мысль. – Нет... так не бывает... Бред...» Он отшатнулся от покойной. Окинул взглядом «полян» и обалдел от того, насколько все было бестолково и неустроенно. Люди, конечно, пытались что-то делать, но не все и как-то вразнобой. Прямо иллюстрация на тему того, что анархия и самоорганизация народных масс – полный бред и безнадёжная мечта экзальтированных идеалистов. Толку от их действий почти не было. А стоны раненых, заваленных обломками, хорошо были слышны.

Николай Александрович попытался взять командование на себя. Начал приказывать, но говорил на французском. Отчего люди хоть и слушали его, да понимали далеко не все. Минуты через три-четыре его это достало. Он с раздражением глянул на одного такого непонятливого. Тот заглядывал ему в рот, ловя каждое слово, но, очевидно, ничего не понимал. Посему Николай вздохнул и еще раз попытался втолковать поручение.

– Не разумею я, Ваше Императорское Величество, – наконец страдальческим голосом произнес этот мужчина.

– Императорское Величество? – невольно переспросил Николай Александрович уже по-русски. Скорее на автомате, чем осознанно. – Чего ты такое мелешь?

– Так батюшка ваш... Александр Александрович... представился... – извиняющимся, прямо-таки дрожащим голосом сообщил собеседник.

Николай Александрович схватился за голову. Бред. Бред! БРЕД! Какой император? Что он несет?! И отца его звали не так. Да, Александр, но Анатольевич. Да и вообще... почему он в казачьей форме? Что вообще, черт побери, происходит?! А впрочем, какая разница? Император? Подчиняются? Ну и бес с ними! Сейчас главное – дело делать. А с остальным потом разберется. Поэтому, взяв себя в руки, Николай начал командовать этими людьми по-русски. И они, что удивительно, охотно подчинялись. И весь тот хаос, что окружал место железнодорожной катастрофы, в считанные минуты заменил деловитый порядок...

Первые минуты и даже часы после «попадания» Николай Александрович не задумывался ни о чем, кроме дела. Люди же умирали. И он не мог просто так взять и начать рефлексировать. Дурные мысли накатились позже, когда ему удалось уединиться в вагоне прибывшего из Харькова поезда. Несмотря на всю неказистость этого самого обычного состава, ему выделили прилично места. Во всяком случае, достаточно, чтобы побыть одному и подумать. Так-то по-хорошему нужно было отдыхать, но в эти часы ему было совсем не до сна.

К прибытию в Санкт-Петербург рефлексия в целом прошла. Не тот у него был характер, чтобы истерики устраивать. Да – шок. Да – полное непонимание того, как это все произошло. Ну и что? Он же не всеведущий. А в этом мире, без всяких сомнений, есть масса того, что еще долго не смогут даже предположить.

Но главное, пришло осознание – он попал. Во всех смыслах этого слова. Теперь вынужден отдуваться за милого хипстера Ники, известного также как Его Императорское Величество Николай II Александрович. Того самого, что стал главным позорищем России в XX веке, конкурируя за первое место в этом деле с Хрущевым и Горбачевым...

То есть картина «Приплыли». Ведь если по уму, то у него был только один сценарий поведения – принять сложившуюся ситуацию как данность и попытаться выжить. Хотя бы тут. Ведь, по сути, там, в скоростном поезде, идущем на Лион, погиб не он, а цесаревич. Опосредованно, конечно. Бедолагу ведь вышвырнуло из тела ворвавшимся туда инородным сознанием, которое, в свою очередь, поспешно эмигрировало из своего бывшего обиталища. От несчастного цесаревича остались лишь воспоминания, обрывки мыслей да кое-какие навыки. И все.

Николая Александровича немного беспокоил тот факт, что в железнодорожном крушении погиб император. Об этом событии он и слышал, и читал. В реальности этого не было. А тут вот – пожалуйста. И император, и второй его сын – Георгий, а еще младшая дочка – Ольга. Почему так? Единственным объяснением, которое придумал наш герой, стало отсутствие предопределенности. То есть заранее ничего не известно. И раз событие произошло еще раз, то и «кубики кинули» заново с

совсем другим результатом.

Впрочем, иллюзий от того, что выжил и стал императором, да еще на восемь лет раньше, Николай Александрович не испытывал. И на то были очень веские причины. Он плохо знал историю эпохи и региона. Только какие-то ключевые даты или выборочные эпизоды с персоналиями. Но и этого хватало, чтобы вкупе со сведениями покойного предшественника и взрослым, зрелым и неплохо развитым умом нарисовать ужасающую картинку.

Несмотря на устоявшиеся стереотипы, из последнего «трио» императоров собственно самодержцем был только Александр II. Да, странный и непоследовательный либерал. Но правил он самостоятельно и самодержавно. Этаким просвещенный либеральный тиран.

Александр III, сменивший отца в 1881 году, к престолу совершенно не был подготовлен. Хуже того – пошел характером в мать. Из-за чего за внешним фасадом крупного, крепкого и довольно брутального мужчины скрывался рохля и подкаблучник. Страной же по факту правила его супруга – Дагмара. Насколько это вообще возможно при столь опосредованной схеме управления.

Эта маленькая, хрупкая женщина держала в своих крохотных кулачках не только яйца мужа-увальня и детей, ходящих по струнке, но и всю остальную страну. Однако ей хватало ума оставаться в тени, из-за чего создавалась иллюзия могущества личности Александра III. О том, что это совсем не так, Николай Александрович узнал, только попав сюда. Покойный Император был не страшный русский медведь, а милый плюшевый мишка, чем пользовались без всякого зазрения совести все, кому не лень. Ведь Мария Федоровна не всегда была рядом и не всегда могла надавать по рукам всяким интриганам. Что влекло за собой самые кошмарные последствия. В частности – серьезное усиление великих князей – братьев Императора.

Вот и выходило, что, вступив на престол, Николай Александрович оказывался критически стеснен властной мамой и не менее амбициозными дядями. Ситуация усугублялась еще и тем, что он сам был полноценным продуктом эпохи и окружения. От природы неглупый малый страдал от того, что его голова была забита религиозной чепухой, посеянной там Победоносцевым. А достаточно твердый характер, немало взявший от волевой мамы, был совершенно вывихнут откровенно идиотским воспитанием и не позволял ему действовать в должной степени жестко и решительно. Особенно по отношению к близким людям.

Средств вывод казино долгий клеопатра

И чем дальше, тем ситуация становилась хуже. Великие князья прирастали могуществом, Мария Федоровна ширила и укрепляла свой двор, превращая его в альтернативный центр власти. В довершение всего Николай Александрович вляпался еще и в Алису, которая только усугубила и без того мрачное положение дел. То есть с 1881 года в Российской империи начал стремительно прогрессировать кризис власти, а ее саму стали разрывать внутренние противоречия. На самом верху. Как в той басне про Лебедя, Рака и Щуку. Кто во всем этом был виновен? Прежде всего Александр II, который допустил наследование империи сыном-рохлей. У него было из кого выбирать, но он о том не думал. Завершили же «картину маслом» родители Николая II, не только распустившие великих князей, но и изуродовавшие сына бестолковым воспитанием...

И вот в это тухлое болото влетел наш герой. К счастью, не успев вляпаться в Алису. Но это помогало не сильно. Однако осознание само по себе – важное дело! Если не понимаешь, что происходит, то и разрешить этой беды не удастся. Но, несмотря на некоторый оптимизм, что делать, обновленный Николай Александрович пока не знал. Ведь за дядями стояли реальная власть, сила, деньги и вооруженные люди, верные и обязанные им. Пойди их задвинь. Мигом оливкой подавишься. О печальной судьбе Павла Петровича наш герой и до того знал и, что любопытно, почерпнул немало деталей из воспоминаний реципиента. Тот тоже о нем нередко думал, видно, неспроста. Поэтому наш герой на первых порах старался избегать резких движений. Поначалу, во всяком случае. Окружающие же эту осторожность и некоторую замкнутость принимали за следствие душевной травмы от крушения поезда и гибели родителя с братом и сестрой...

Так или иначе, время шло. Николай осматривался. Фиксировал свои наблюдения в дневник. Анализировал их. Сводил и агрегировал. Производил там подсчеты. Действовать вслепую было глупо. А адекватность сведений, что валялись в голове экзальтированного и глубоко религиозного молодого человека, доверия не вызывала.

И работал со своим ближайшим окружением. Очень плотно работал. Так, например, он смог в считанные дни потерять доверие к командиру собственного Его Императорского Величества конвоя – Шереметьеву Владимиру Алексеевичу. То есть фактически начальнику телохранителей. Что с ним было не так? Все. Так-то да, он был предан Императору, но совершенно не понимал, что творит, в силу природного скудоумия. Любитель покутить на широкую ногу и ввязаться в безумную авантюру, а потом страстно уговаривать его спасти... снова вляпаться... и так до бесконечности. Шумный, бестолковый и невероятно пыльный. И эту пыль он постоянно пытался метать в глаза всем подряд. Напрямую, скорее всего, не предаст. Но поставить этого кретина начальником личной охраны мог только Александр III... да и то из сострадания к бедолаге, чтобы был под рукой и можно было вовремя его одергивать, не позволяя вляпаться в дурацкие истории.

Поняв, что с командиром каши не сваришь, Николай Александрович постарался познакомиться поближе с младшими офицерами и нижними чинами. Выискивая среди них тех, на кого можно было положиться. Ради чего у Императора появилось новое увлечение – fun-shooting. То есть стрельба из огнестрельного оружия по разнообразным мишеням. Но не в одиночку же палить? Тем более что рядом есть всегда те, кто составит компанию. Ради чего это самое оружие начинает потихоньку накапливаться в жизненном пространстве нашего героя. Тут винтовочка, там револьверчик. Да и общение пошло...

Вот после такой очередной стрельбы Николай Александрович и принял Анатолия Федоровича Кони, ведущего расследование по факту крушения царского поезда. Тот вошел. Раскланялся. Сел на указанное ему место. И начал вещать.

Вопрос складывался из «святой троицы»: трусости, глупости и воровства. В чем это выражалось? В том, что многие служащие выполняли свои обязанности спустя рукава, «на отвяжись».

Например, министр путей сообщения Константин Николаевич Посыет не только ничего не смыслил в железных дорогах, но и бравировал этим: дескать, ему не нужно вдаваться в эти совершенно лишние детали, чтобы блестяще управляться всем. То есть этот человек просто плевал на свои обязанности, воспринимая пост как лишенную всяких хлопот «кормушку», данную ему по старости за заслуги в прошлом.

Не лучше обстояли дела и с Петром Алексеевичем Черевиным, генералом, состоящим непосредственно при Императоре и отвечавшим за его безопасность в целом. Так-то он был и умным, и честным, и здравомыслящим, и даже храбрым, с опытом боев и прекрасными рекомендациями. Но имелся в нем и недостаток, а именно алкоголизм. Все знающие его люди утверждали, что хоть чуть-чуть, но он был выпивши всегда и непременно. Это не мешало Петру Алексеевичу иметь «товарный вид» и самостоятельно говорить, передвигаться, производя впечатление в целом адекватное. Но не более того. Так как это было всего лишь фасадом, укрывавшим сознание, непрерывно пребывающее в алкогольном дурмане.

Хватало и других удивительных вещей. Например, императорский поезд шел намного быстрее положенного и был серьезно перегружен. Все об этом знали и молчали. Тяжелые вагоны поставили не следом за паровозом, а посередине. И тоже – тишина, хотя очевидная же всем причастным вещь. Автоматические тормоза, каковыми оборудовали императорские вагоны, вышли из строя загодя, но это никого не смутило. Подумаешь! Тормоза? Что, из-за этого Императора задерживать? Даже кондуктора, что должен был, согласно расписанию, дежурить у ручных тормозов, и то прогнали, отправив помогать слугам по обиходу августейшей фамилии. И так далее, и тому подобное. То есть государственные служащие творили черт-те что, либо не понимая этого, либо целенаправленно злодействуя.

– Кошмар... – покачал головой Николай Александрович. – Мрак... один сплошной беспросветный мрак...

– Ваше Императорское Величество, случались и просветления... – осторожно заметил Кони. А потом поведал о выявленной им истории Сергея Юльевича Витте. Тот еще на пути в Крым нашел серьезную неисправность одного из вагонов. Довел это до сведения сервисного персонала. Но те отмахнулись, дескать, в Севастополе посмотрим. Там он им напомнил. И что вы думаете? Снова отмахнулись. Едет же, значит, и трогать вагон не стоит, а то еще возьмет и развалится. То есть классический ответ: «Не трогай то, что пока работает». Но Витте был довольно разумный человек, и его эта «отмазка» не устроила. Он пошел к Посыету. Но был вежливо послан со своими замечаниями с рекомендацией записать их на бумаге и запихнуть их себе... хм... подать по инстанции. И что же? Сергей Юльевич все записал и подал чин по чину, прекрасно понимая, что его рапорт похоронят в ворохе «лишних бумаг». И похоронили бы, если бы не трагическое крушение.

Николай Александрович слышал о Витте. Там, в ХХI веке. И слухи эти были очень неоднозначные. Кто-то его хвалил. Кто-то ругал. Кто-то называл настоящим патриотом и светлой головой в области финансов в России. Кто-то клеймил предателем, шпионом и врагом народа. Подробностей этого старого «колиvara» Николай Александрович не знал и знать не хотел. Не интересно было в свое время. Однако то, как повел себя Витте в ситуации с поездом, отрекомендовало его лучше всяких слов.

Сразу стало понятно, кто и почему его ругал. Осознанно, во всяком случае. А то, что потом подхватили красивые лозунги широкие массы, – дело десятое...

В общем, вырисовывалась на редкость гнилая система. Но это было полбеды. Кони успел раскопать и удивительной наглости аферу, которая гармонично дополняла общую степень маразма. Дело в том, что строил Курско-Харьковско-Азовскую железную дорогу по концессии Самуил Соломонович Поляков – известный концессионер и делец Российской империи. Братья которого были видными банкирами и финансистами.

Самуил Соломонович строил очень «экономно»: шпалы укладывал редко и плохие, насыпи проводил безобразно, да и с рельсами мучлевал. Про людей и речи нет – платил мало, требовал много и постоянно обманывал. После постройки дороги стало не лучше, так как эксплуатировал он ее отвратительно. Года не прошло, как посыпался сплошной поток жалоб на злоупотребления и прочие непотребства. Дошло до того, что правительству, после серии комиссий и инспекций, порекомендовали выкупать дорогу в казну. Ибо дальше так продолжаться не могло. Вопиющий бардак! Но и тут Поляков отличился, заключив с правительством очень интересное выкупное соглашение. В нем было прописано, что Самуилу Соломоновичу и его акционерам в течение следующих шестидесяти лет правительство обязывалось ежегодно выплачивать сумму, равную среднегодовой прибыли за последние семь лет эксплуатации дороги. Любопытно? Очень. Поэтому-то Поляков и до того, держа дорогу «в черном теле», стал откровенно сходить с ума, урезая расходы до самой крайности и даже больше.

Фоном же шли «малые шалости» вроде афер с углем...

– Самуил Соломонович умер и, увы, не может предстать перед судом. Поэтому я прошу вас проверить деятельность его братьев – Лазаря и Якова. Уверен, что без их деятельного участия не обошлось. Тем более что они, насколько мне известно, унаследовали все состояние покойного брата. А значит, несут всю полноту ответственности за его незавершенные дела.

– Ваше Императорское Величество, – растерялся Кони, – так не принято поступать...

– Вы знаете иной способ вскрыть этот гнойник? Если сейчас всех виновных примерно не наказать – подобные аварии будут продолжаться. И каждый новый труп окажется на нашей с вами совести. Хотим мы этого или нет. Так что берите скальпель и вскрывайте этот гнойник.

– Не забывайте о том, что ежели в силу злого умысла, лени или головотяпства в России еще нет подходящих законов, позволяющих наказывать виновных, то всегда остаюсь я. Знаю, вам не по душе такой подход к делу. Но если мы хотим спасти многие тысячи невинных жизней, нужно довести это дело до конца, какой бы вой ни поднимали вокруг. Вы сделаете это?

Кони ушел в странном состоянии духа. Да, дело скверное и очень громкое. Но копать дальше? Анатолий Федорович был не дурак и сообразил, что Император намекал не только на братьев Поляковых, но и на всех, кто покрывал их деятельность. Но ведь это кошмар! Ужас! Сколько уважаемых людей сядут на скамью подсудимых?! Но и какая репутация у него в случае успеха этого дела получится! И не только в России, а и в мире!

Николай Александрович же выдохнул, отпуская Кони. С великим облегчением. Потому как отложил на месяц – а может, и на два, – принятие решения по столь непростому вопросу. Несмотря на чудовищное раздражение, ему хватало выдержки не сорваться. За всеми этими людьми наверняка стоял кто-то сверху. А значит что? Правильно. Придется схлестнуться с кем-то из высших аристократов. Возможно, даже с представителями августейшей фамилии. Да чего уж там! Какое возможно? Точно совершенно. И Алексей Александрович, и Владимир Александрович вон как засуетились. Наверняка им гешефты отходили немалые.

И Посьет, и Поляковы, и прочие, несомненно, были виновны. Но они лишь вершина айсберга. Большого и опасного, от которого было несложно и апоплексический удар табуреткой заработать. Можно, конечно, все спустить на тормозах. Как оригинальный Александр III и сделал. Но это создавало прецедент, который потом сложно будет преодолеть, что в свою очередь вело к закономерному финалу с расстрелом в подвале. Патовая ситуация? Может быть. Во всяком случае, пока Николай Александрович не видел путей ее разрешения, но и не терял оптимизма...

Вот и настал день коронации, которую Николай Александрович стремился провести со всей возможной поспешностью. Его, конечно, отговаривали от столь опрометчивого решения, дескать, подожди до весны, а еще лучше до лета. Но он был непреклонен. Причин на то хватало. Начиная с ускорения формальной легализации и заканчивая большой провокацией. Как ни крути, а коронованный царь в те годы – что-то да весил в обществе. А провокация? О! Ничего хитрого в том не было. Все на виду...

Что такое коронация? Каждый скажет то, что ему ближе. Кто-то вспомнит про народные гуляния, кто-то про церковный ритуал, кто-то про пышные приемы. И все они будут не правы. Потому что коронация – это прежде всего деньги. И очень большие деньги. Поспешная особенно. И эти деньги можно освоить.

Собственно, мнения вокруг Николая Александровича разделились. Те люди, что были хоть сколь-либо здравомыслящи и смелы, пытались отговорить его от поспешной коронации, ссылаясь на то, что это очень дорого, и на то, что не сумеют наши головотяпы все толком подготовить. Александр III полтора года занимался этим вопросом, и то напряженных моментов хватало. Но были и те, кто с горящими глазами хватался за дело, предвкушая куш. Это-то нашему герою и требовалось. Тем более что нарисовались «все те же лица», то есть люди, так или иначе связанные с великими князьями – братьями Александра III. А наш герой и рад стараться. Подкидывая им бюджет и не вмешиваясь в дела. Разумеется, великие князья, как и было принято, работали не сами. У этих «товарищей» хватало подручных, таскающих им кашпаны из огня с риском для собственной шкуры.

Мама, кстати, тоже держалась в стороне и наблюдала. Как кошка в засаде. Изредка навещала сына, но посматривала на него с подозрением и даже опаской. Поначалу-то она пыталась взять его в оборот, но тот постоянно выскальзывал. Раз за разом. И дело с железнодорожной катастрофой тянулось все дальше и глубже. Анатолий Федорович Кони буквально землю рыл. Не хуже крота. А теперь еще и эта странная, поспешная коронация. Она была опытным игроком, чтобы понять – сыночек что-то затеял. Только что?

Так или иначе, но 24 февраля 1889 года Николай Александрович вышел из тронного зала Кремлевского дворца и направился к Успенскому собору. Небольшая прогулка по тщательно убранной брусчатке в окружении толпы людей. И вот – храм. Жаркий, душный и какой-то сальный из-за того, что в довольно компактном помещении постоянно сжигалась масса свечей и лампадного масла. Как обычно, впрочем. Эта волна духоты прямо ударила его, словно лопатой, когда он вошел внутрь. Да так, что он аж пошатнулся. Но устоял и направился дальше. Мимоходом отметив, что «выписанные» им почетные гости все-таки прибыли. Он и не надеялся, право слово. А они взяли и приехали. По правде говоря, ему и не хотелось особо их видеть. Просто решил «тыкнуть палочкой» и «позырить», зашевелятся или нет. Зашевелились. Неожиданно.

Собственно, о ком речь? О трех восточных патриархах: Александрийском, Антиохийском и Иерусалимском, которые прибыли, несмотря на возраст. А также бывшему патриархе Константинополя Иоакиме III. Почему бывшему? Потому что он был поставлен в 1878 году, сразу после победы русского оружия в очередной войне с Османской империей как последовательный сторонник России. И просидел до 1884 года. Сменивший же его в Иоаким IV был ставленником Рима и посему действовал не совсем в гармонии с российскими интересами на Балканах. Но это было бы полбеда, если бы в 1886 году его не сменил Дионисий V – ярый русофоб и туркофил, который даже в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов всячески проявлял свою позицию. И так довыступался, что его чуть местные греки не растерзали, если бы не казаки, спасшие этого «кадра». Разумеется, приглашать Дионисия Николай Александрович не стал, ибо не видел в том смысла. Он враг, открытый и последовательный. Поэтому его стали подчеркнуто игнорировать. Более того, в приглашении, направленном Иоакиму III, обращались к нему, как действующему патриарху Константинополя.

Иерархи прибыли. За деньгами, ясно дело, о чем в приглашении говорилось отдельно. Но это и неважно, ибо за кадром.

Главное, что для людей верующих это было очень большим, знаковым событием. Давненько на коронации православного государя не собирались все восточные патриархи знаменитой Пентархии. Так, пожалуй, бывало лишь в первые века Византии. А вот если бы приехал еще и Папа Римский – был бы вообще фурор с «косплеем» Константина I Великого или Феодосия I и тоже Великого. Папе Льву XIII приглашение было послано, но он уклонился от визита, сказавшись больным. Врал или нет – неизвестно. Но официальных представителей своих прислал с подарками и наилучшими пожеланиями...

Николай Александрович же погрузился в долгую и утомительную службу, после которой его ждало миропомазание и возложение короны. Час, долгий и мучительный час. Могли и больше, но он сразу оговорил – после аварии плохо переносит духоту, и если рухнет без сознания, это будет на совести священников со всеми вытекающими последствиями.

Но вот – финал. На него водрузили корону, перекрестили в очередной раз и отпустили с миром. Дескать, действуй-злодействуй.

Он обернулся к народу, набившемуся в собор, и вяло улыбнулся. Наконец-то эта пытка подошла к концу. Да и вид его неловкость вызывал от всех этих аляповатых атрибутов власти. Скоро XX век уже наступит, а он вырядился таким не то клоуном, не то павлином. На голове огромная и весьма тяжелая шапка совершенно дурацкого вида, то есть большая императорская корона. В левой руке пушечное ядро с воткнутым туда крестиком – держава. В правой – декоративная булава, называемая скипетром. На груди – роскошная цепь ордена Андрея Первозванного, заливающая блеском драгоценных металлов и камней буквально «весь фасад». А на плечах мантия таких непомерных размеров, что ходить с ней без «заносителей хвоста» было крайне неудобно.

Средств клеопатра казино вывод долгие

И вот эту самую мантию бросились поправлять дяди – великие князья. Чтобы сидела лучше и складки разгладить. Да так энергично ринулись, что умудрились сорвать с него цепь ордена Андрея Первозванного.

Николай Александрович не знал, что во время коронации оригинального Николая II в 1896 году произошла та же самая неприятность из-за косорокости или злого умысла того же самого великого князя. Только тот, настоящий, Коля растерялся, и орденская цепь упала к его ногам, став знаковым предзнаменованием. А наш герой успел отреагировать и подхватил украшение правой рукой. Той самой, что удерживала скипетр. Да так энергично и быстро дернул лапкой, ловя «цепочку», что засветил Алексею Александровичу скипетром по лбу, вынудив отшатнуться и упасть на попу.

Мгновение. В соборе наступила гробовая тишина. Все-таки событие неординарное. Настоящее предзнаменование!

Император же не догадался сделать ничего лучше, чем крутануть скипетром, наматывая на него орденскую цепь, и пойти вперед с самым невозмутимым видом. Дескать, так и задумывалось. Само собой, Владимир Александрович, что сорвал с него цепь, отруб ею по лицу во время наматывания на скипетр. Несильно. Но этого хватило, чтобы тот шагнул назад, оступился и упал.

Николай Александрович же двинулся вперед по коридору из людей и не обращался на шум и возню сзади. Было безумно интересно посмотреть, но он старался держать марку.

Пройдя по Успенскому собору, Император вышел на свежий воздух. С минуту простоял, пытаясь надыхаться. И пошел в еще одно душное место – Грановитую палату, где все уже было готово для пира. А потом был бал. И танцы. Обновленный Николай Александрович не любил такие мероприятия, в отличие от оригинала. Он прекрасно понимал, что для высшего света балы были лишь предлогом, чтобы собраться, пообщаться и подыскать себе высокородную пассию на ближайшую ночь, а возможно, что и жену. Эдакий массовый смотр всех всеми. Но поделаться с собой ничего не мог – не нравились они ему. Так что довольную гримасу натянул на свое лицо с трудом.

И тут – спасение, настоящее спасение из очередной великосветской пытки – вошел дежурный офицер, сообщив, что случилась беда – давка и беспорядки. Казалось бы, Николай должен был расстроиться и опечалиться столь мрачными событиями. Но нет. Он с трудом сдержался, чтобы не обрадоваться. Какое уж тут веселье? И уже через полчаса он, верхом на коне, прибыл к месту трагедии. И сразу же влился в решение проблем и организацию помощи раненым. Более того, по его приказу поднялись солдаты Московского гарнизона, которым было поручено навести порядок в толпе. И, предотвратив давку, обеспечить раздачу подарков. Кроме того, армейцы стали ставить кухни, дабы накормить людей сытной и горячей едой, Бесплатно. За счет Императора. Все-таки столько стоят пусть и на легком, а морозе.

А сам монарх на крупном кирасирском коне курсировал по округе, чтобы «держат свой флаг» всюду. Само собой, не один, а в окружении всадников. Тут и бойцы лейб-конвоя были, и кое-кто из кирасиров да кавалергардов, что участвовали в коронационных торжествах.

Николай Александрович старался побывать всюду. Вот он снимает пробу с каши, которую должны раздать людям. А спустя совсем немного времени уже тащит носилки с раненым, помогая санитарам. Еще полчаса, и он несет надувное бревно... кхм... хотя нет, эта сцена из другой сказки. В общем, старался создать эффект присутствия повсюду. Так что уже к вечеру вся эта огромная толпа была уверена: Император где-то совсем рядом, он с ними, он за них. Ибо видели, а потом и пересказывали с выдуманными подробностями, доходя едва ли не до сказок о воскрешении наложением рук.

День кончился. Но наш герой не утомился. Он начал объезжать больницы, выделенные для размещения раненых, и смотреть, как идут дела. И на следующий день продолжилась «движуха», а на третий – так и вообще – он возглавил траурное шествие, в конце которого устроил небольшой, но значимый митинг.

– Я не оставлю людей с бедами один на один! Всех пострадавших будут лечить за мой счет! А ежели потребуется, то и пенсию положу! А если погиб, то ближайшему родичу пенсия будет! – громко кричал Николай Александрович в рупор так, чтобы его слышала вся толпа.

И толпа, словно древнее чудовище, реагировала, радостно ревя. Волнами. Как какой-то рокошующий монстр. Разум если и был присущ этой химере, то очень примитивный.

Еще несколько коротких, рубленых фраз. И толпа вновь взревела. И еще. И еще. Это было так просто – говорить то, что хотят услышать люди. А потом он приказал взять под стражу московского обер-полицмейстера Александра Александровича Влавского и министра двора – Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова. Прилюдно. Публично. Ведь они отвечали за организацию торжеств. И не смогли все сделать по уму. А значит, должны ответить за свои злодеяния. О чем он толпе и сообщил. И вновь дикий, радостный рев. Только куда как громче, чем прежде. Толпа заколыхалась, заплескалась и натурально показала чем-то живым и ужасающим.

Столетие назад такие же безумные монстры опустошили Париж во время Великой французской революции. А потом... вероятно... аналогичные создания терзали Россию, оставляя после себя только кровь и руины. Век бы их не видеть. Но они есть... и иногда образуются. А значит что? С ними нужно уметь договариваться, а еще лучше – использовать.

Наш герой знал о приемах взаимодействия с толпой только по книжкам и немало рисковал, готовясь к коронации. Импровизировал. Старался взять самые простые и самые эффективные приемы. Но у него все получилось. Неискушенная публика же. А потом, еще немного погудев, толпа рассыпалась на дискретные группы, которые расползлись в разные стороны. Все-таки хоронить всех погибших на одном кладбище было невозможно, да и глупо. А Император отправился на вокзал, к поезду, где уже все паковались, дожидаясь только его.

– Коронация сорвана, – мрачно произнесла Мария Федоровна, когда ей наконец удалось поговорить с сыном наедине.

– Вот что было бы, пройди она нормально? Несколько заметок в газетах. Унылые лица. И немного пустой болтовни. Мы не умеем устраивать зрелище, чтобы от восторга шатало весь город и за которым с замиранием сердца смотрела вся страна. К сожалению, ни гонок колесниц, ни гладиаторских игр, ни других острых забав. Для аристократов то не диво. А простым людям что? В общем – скука. А тут невольны они создали возможность развернуться.

– Как ты можешь так об этом говорить? Погибли люди! – наигранно возмутилась Мария Федоровна, которую, очевидно, это совершенно не трогало.

– Верно. И виновные будут наказаны, – серьезно произнес Николай Александрович. – Но оно того стоило. Ты видела толпу? Ты слышала ее рев? Прекрасное зрелище, не правда ли?

– Да. Ощущение, словно кормишь с руки древнее хтоническое чудовище. Или даже два. Сцилла, к ногам! Харибда, голос! А потом за ушком почешешь, и это страшное, всесокрушающее чудовище урчит, словно верная овчарка. Просто удивительно... волшебное... непередаваемо...

– А как еще? Первым Императором, который завел себе свору таких ручных чудовищ после перерыва почти в две тысячи лет, был Наполеон Бонапарт. И вся Европа зашаталась, едва устояв от ярости своры этих французских лягушек. И да. Сначала он пустил кровь, а потом приласкал этого побитого, скулящего монстра. Толпа ведь не ведает ни зла, ни добра. Толпа – очень примитивное животное, из каких бы гениальных людей ни состояла. Удивительная метаморфоза. Вот были профессора да академики, деятели культуры и просто образованные люди. Раз. Сбились в толпу. И вот уже зарычали, обнажив первобытное естество. И если по отдельности этих робких да застенчивых людей не стоит и опасаться, то в толпе им потребуется плотный ружейный огонь да картечь, дабы их рассеять и вновь превратить в людей. Если, конечно, у тебя хватит смелости или трусости применить оружие.

– О да! Ты не знала? Самые выдающиеся примеры отваги происходят из-за приступов безнадежного, отчаянного страха, когда сознание совершенно парализуется от ужаса и перестает воспринимать угрозу трезво. Мама, крыса, загнанная в угол, невероятно опасна. Или ты этого не знала? – хмыкнув, спросил Император.

Мария Федоровна внимательно посмотрела на сына, с подозрением прищурившись. Но, не дождавшись развития темы, едва заметно фыркнула, переключаясь на смежную.

– Безусловно. Кроме того, кого-то нужно скормить толпе. Почему не их?

– Потому что они положили свою жизнь служению твоему деду и отцу. Нельзя вот так взять и все перечеркнуть.

– Мама, они целенаправленно испортили мою коронацию. А тебе ли не знать, как много это значит для простых людей? Особенно в наши дни. Этот мистицизм и символизм стали совершенно невыносимы. Опийные безумцы всюду бегают и бредят своими навязчивыми идеями, смущая честный люд.

– Ты не знаешь наверняка, нарочно они так поступили или случайно.

– Ты шутишь? Мама, я это знал в Санкт-Петербурге... еще до Рождества. При том подходе, которым они вели это дело, ничего

хорошего выйти попросту не могло. Если я во что-то не вмешиваюсь, не значит, что не приглядываю. Они хотели оступиться. Я дал им эту возможность. Тут же, когда я ходил по больницам, много общался с простым народом... слушал... спрашивал... уточнял... И знаешь, что все в один голос сказывают?

– Будто бы эти мерзавцы ни черта не делали! Понимаешь? Деньги взяли, а дела не сделали! Может быть, они и отцу с дедом так же служили? Чувствуется хватка, опыт, навык. Или, скажешь, нет?

– Жениться тебе надо, – тяжело вздохнув, констатировала мать. – Найти женщину, чтобы гасила в тебе эту злобу, что проснулась после крушения поезда. Чтобы повзрослел уже наконец и о другом думал, о семье, а не об этих мелочах.